

Морозова Алевтина Николаевна, Тюрина Ольга Александровна  
Самарский государственный социально-педагогический университет  
г. Самара, Российская Федерация  
tyurina@sgspu.ru, morozova@pgsga.ru

## Термин-концепт «power» в публичных выступлениях американских президентов: семантика, синтагматика, прагматика

### Аннотация

Идея власти играет важнейшую роль в политической коммуникации в целом и в американской политической коммуникации в частности. В статье представлены результаты исследования ключевого для политической коммуникации термина-концепта «power», актуализированного в политическом дискурсе. Экспериментальным материалом послужили публичные выступления двух американских президентов – Барака Обамы и Дональда Трампа – в период с 2004 по 2019 гг. Анализ высказываний политиков по таким параметрам, как реализуемый в речи лексико-семантический вариант слова *власть*, коллигационные (морфосинтаксические) и коллокационные (лексико-фразеологические) условия реализации слова, тактико-стратегическая организация речи, позволил выделить и описать характерные дискурсивные особенности вербализации идеи власти в речах политиков. В результате выявлено, что для дискурса Б. Обамы характерны интеграционная, информационная и агональная стратегии, а для дискурса Д. Трампа свойственны агональная и интеграционная стратегии. Были определены инвариантные и вариативные морфосинтаксические и лексико-фразеологические характеристики концепта «power», реализуемые в трёх номинативно-производных значениях лексемы – 'authority, possession of control', 'strength, force', 'country, influential people'. К инвариантным отнесены использование лексикой, репрезентирующей американские ценности, и ряд тропов.

**Ключевые слова:** политический дискурс, вербализация концепта «власть», тактико-стратегическая организация речи, инвариантные и вариативные характеристики.

© Морозова А. Н., Тюрина О. А. 2021

**Для цитирования:** Морозова А. Н., Тюрина О. А. Термин-концепт «power» в публичных выступлениях американских президентов: семантика, синтагматика, прагматика // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 149–160. doi: 10.22250/2410-7190\_2021\_7\_3\_149\_160.

### 1. Введение [Introduction]

Одним из основных направлений в исследовании политического дискурса является рассмотрение концептуального мира политики в части языковых средств его репрезентации. Современная лингвистическая литература содержит богатейший материал, касающийся соотношения концептуальной и языковой картин мира в общественно-политической реальности. Концепты, представленные в политическом дискурсе, осмысляются в контексте политической онтологии, идеологии и аксиологии, в аспекте дискурсообразующих единиц, определяющих содержательно-тематическое ядро и жанровую специфику политической коммуникации [Шехтман, 2005, с. 24]. Методологически оправданным для языковедческого анализа можно считать подход, при котором объектом изучения становится не культурный концепт как таковой, а «дискурс как сфера его бытования» [Шейгал, 2002, с. 227]. В этом случае внимание исследователя направляется прежде всего на выявление и описание языковых единиц, выступающих средством реализации концепта.

Исследования, проводимые в данном направлении, ориентируются на имя концепта, которое, в свою очередь, подвергается анализу в плане смысловой структуры слова, парадигматических и синтагматических связей с другими лексическими единицами, контекстуально и социокультурно обусловленных особенностей реализации. По сути, имя концепта – это ключевое слово, наиболее полно отражающее номинируемое понятие и выступающее «лингвистическим аналогом модели предметной области» [Шейгал, 2002, с. 47], которая кодируется в сознании и способствует пониманию сообщения и метасообщения, заключённого в речевом произведении. В политическом дискурсе ключевые слова приобретают особую важность, поскольку речь политика отражает позицию не только говорящего, но и политического института или страны, которую представляет автор сообщения.

Борьба за власть как основа политической коммуникации определяет тот факт, что центральное место в концептуальной области политической онтологии отводится концепту, номинируемому в английском языке как «power». Вопрос о соотношении языка и власти традиционно рассматривается в лингвистической литературе в единстве двух аспектов: с позиции концептуализации власти языком и в плане того, как власть проявляется через язык. Неудивительно, что последний аспект в настоящее время является особенно актуальным. Т. А. ван Дейк говорит о том, что в современном обществе контроль за публичным дискурсом, а также доступ к «власти дискурса», т. е. возможности создавать и изменять дискурс, транслируемый посредством СМИ и других массовых вербальных каналов, является необходимым условием реализации политической власти [van Dijk, 2008, p. 26–28]. Поэтому, большое количество работ лингвистов, как в России, так и за рубежом, посвящено изучению того, как в политическом дискурсе влияние на аудиторию осуществляется посредством языка [Шейгал, 2000, 2002; Иванова, 2010; Левенкова, 2011; van Dijk, 2008; Bataineh, 2019; Moody, Zohreh, 2020; Nisar et al., 2020; Salayo, 2020], в том числе с использованием таких тактик, как указания на факты из жизни политика, обещания, многословие и других; таких стилистических приёмов, как повторы, гипербола, метафора, метонимия, сравнения; частотных словообразовательных моделей, например, номинализации (=субстантивации) и так далее.

Алгоритм рассмотрения вопроса реализации власти через язык сформулирован Е. И. Шейгал, указав на необходимость обращения к лексикографической интерпретации имени концепта, его синонимическим связям, образным переосмыслениям, ассоциативным реакциям, сочетаемости, паремиологии [Шейгал, 2000, с. 93, 94].

Семантика термина-концепта «power» получила в лингвистической литературе достаточно полное описание. Показано, что, в отличие от русского языка, в котором лексема *власть* этимологически связывается с обладанием, смысловым инвариантом значений лексемы *power* является компонент *ability* 'способность, возможность' [Левенкова, 2011 с. 78, 79]. Для политической коммуникации значимы: 'власть как господство, полномочия' (*control, authority*); 'власть как возможность, способность' (*ability*); власть как 'сила, мощь' (*strength, might*); власть как 'держава' (*country*) [Левенкова, 2011, с. 79, 80]. Семантические компоненты, выделенные на основе дефиниционного анализа, дополняются списком контекстуально обусловленных значений [Иванова, 2010, с. 10, 11]. Интерпретации семантической структуры слова, предлагаемые разными исследователями, различаются. В частности, отдельные авторы исключают такое значение, как «должностные лица, наделённые властными полномочиями» [Чиронина, 2003, с. 1725, 1726]. Очевидно, что расхождения в составе и содержании выделяемых лексико-семантических вариантов связаны с извечными трудностями, возникающими при описании лексического значения как воплощения сложнейшего соотношения понятия, слова и смысла, понятийной и языковой картины мира, выявления особенностей «жизни» слова, в котором отражено данное понятие [Самадов, 1992, с. 6, 7]. Раскрытие семантики слов, выра-

жающих абстрактные понятия (к числу которых относится слово «power»), сопряжено с большими сложностями по сравнению со словами, у которых есть эквиваленты в неязыковых семиотических системах, и тех, которым соответствуют непосредственно наблюдаемые референты [Шехтман, 2005, с. 45].

Актуальным представляется рассмотрение ключевого для политической коммуникации термина-концепта с учётом специфики его реализации в речевых актах разных политических деятелей. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить особенности реализации ключевого для политической коммуникации термина-концепта «power» в речевых актах двух американских президентов с учётом целевой установки высказывания и избираемых стратегий и тактик.

Нами была сформулирована гипотеза о том, что инвариантные и вариативные характеристики тактико-стратегической организации политических речей двух президентов в значительной степени определяются способами вербализации концепта власти через лексическую единицу *power*, параметрами описания которой целесообразно считать 1) реализуемый тип лексического значения; 2) коллигационные и коллокационные характеристики синтагм; 3) семантические связи слова с лексическими единицами, входящими в текстовый фрагмент; 4) риторические приёмы, обеспечивающие реализацию функции воздействия.

## **2. Дискурсивные особенности вербализации идеи власти: Б. Обама и Д. Трамп [Verbalizing the idea of power in the discourse: B. Obama and D. Trump]**

### **2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]**

Материалом для анализа послужили публичные речи Барака Обамы и Дональда Трампа, произнесённых в период с 2004 по 2019 гг. Всего было проанализировано 70 стенограмм речей президентов: 36 речей Б. Обамы [American Rhetoric, 2020] и 35 речей Д. Трампа [Factbase, 2020]. Материалом для анализа послужили отобранные методом сплошной выборки 124 текстовых фрагмента, включающих лексическую единицу *power*. Анализ материала осуществлялся методами лексико-семантического, синтагматического и сопоставительного анализа. В основу анализа положены следующие параметры: 1) реализуемый лексико-семантический вариант слова; 2) коллигационные (морфо-синтаксические) и коллокационные (лексико-фразеологические) условия реализации слова; 3) коммуникативные стратегии и тактики, избираемые политиком в речевом акте.

Обращение к коллигационным и коллокационным характеристикам синтагм как необходимое условие раскрытия семантики слова для рассматриваемого материала приобретает особое значение в связи с тем, что ни в одном из анализируемых речевых произведений не зарегистрировано использование данной лексемы в качестве самостоятельного члена предложения. Считая тактико-стратегический подход плодотворным методом исследования политической коммуникации, мы избираем типологию, согласно которой политический дискурс включает: 1) информационную стратегию, реализующуюся посредством документирующей тактики, тактики авторитетного источника и тактики автоцитации; 2) интерпретационно-ориентационную стратегию (идентифицирующая, проективная, дидактическая тактики и тактика предостережения); 3) агональную стратегию (тактики дистанцирования, критики, обвинения и угроз); 4) интеграционную стратегию (инспиративная, фатическая тактики и тактика сплочения); 5) побудительную стратегию, которая реализуется через призывную и прескриптивную тактики [Левенкова, 2011, с. 264].

## 2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Теоретически семантика слова *power* может быть охарактеризована с позиции трёх сфер, выделяемых в понятийной картине мира: 1) то, что непосредственно дано человеку в опыте; 2) то, что входит в опыт человека с развитием общества и общественных отношений; 3) то, что входит в опыт человека с развитием науки и техники [Левенкова, 2009, с. 52]. Однако прагматика и семантика политического дискурса определяют тот факт, что лексико-семантические варианты, репрезентирующие понятийные области, связанные как с данным априори, так и с физическим и научно-техническим опытом человека, в публичных речах политиков не представлены.

Итак, сфера общества и общественных отношений в словарной единице *power* реализуется в таких значениях, как: 1) authority, possession, control; 2) strength, force; 3) state or influential people; 4) ability to do or act. В то же время последнее из значений, которое можно считать, в отличие от других, номинативным (а не номинативно-производным), вряд ли является значимым для реализации концепта. Во-первых, это значение зарегистрировано в составе коллигационно и коллокационно ограниченных, клишированных фраз (*to be in one's power*; 'быть в чей-то власти'; *do everything in one's power to + V*, 'сделать всё возможное'). Во-вторых, оно оказывается тесно связанным со значением «strength»: возможность свершения действия определяется силой, и наоборот.

Коллигационной ограниченностью отличается и реализация значения «country»: оно зафиксировано только в атрибутивных синтагмах с препозитивным прилагательным (Adj + N): *major powers* 'великие державы', *super powers* 'сверхдержавы', *a colonial power* 'колониальная власть', *assertive powers* 'страны-агрессоры', *revisionist power* 'ревизионистское государство', *rival powers* 'страны-соперники' и т. д. В речах Б. Обамы данное значение зафиксировано в составе высказываний, реализующих интеграционную стратегию через инспиративную и фатическую тактики. На языковом уровне это проявляется в использовании разговорной лексики, простых синтаксических структур, слабых форм служебных глаголов:

*This is a deal between Iran, the United States of America, and the major powers in the world – including some of our closest allies. If Congress kills this deal – not based on expert analysis, and without offering any reasonable alternative – then it's the United States that will be blamed for the failure of diplomacy* (В. О. Statement on Historic Nuclear Agreement with Iran. – April 2, 2015) – 'Это договорённость между Ираном, Соединёнными Штатами и основными мировыми **державами** – включая наших ближайших союзников. Если Конгресс разрушит эту договорённость – основываясь не на экспертном анализе, и даже не предлагая разумную альтернативу – тогда именно США окажутся виноватыми в провале дипломатии'<sup>1</sup>.

Для высказываний Д. Трампа характерно выстраивание речевого акта в соответствии с агональной стратегией, реализуемой посредством тактики дистанцирования. Достаточно чётко прослеживается оппозиция «свои – чужие», противопоставление Америки с присущими ей качествами (*American influence* 'влияние Америки', *values* 'ценности', *wealth* 'богатства', *independence* 'независимость') противникам, которые угрожают безопасности и процветанию страны (*rogue regimes* 'преступные режимы', *terrorism* 'терроризм', *revisionist powers* 'ревизионистские власти'). Так, в речи о политике национальной безопасности Д. Трамп называет Россию и Китай силами, которые ставят под угрозу американские ценности:

*We also face rival powers, Russia and China, that seek to challenge American influence, values, and wealth.* (D. T. Speech on National Security Policy. – December 18, 2017.) – 'Мы также сталкиваемся с нашими **государствами**-соперниками, Россией и

<sup>1</sup> Здесь и далее перевод наш.

Китаем, которые стремятся поставить под сомнение американское влияние, ценности и богатства'.

Противопоставляя Америку другим государствам, которые, по его убеждению, являются противниками политического курса и ценностей Американского государства, политик интенсивно использует лексику с мелиоративной коннотацией, экспрессивность которой усиливается благодаря многочисленным фонетическим, лексическим и синтаксическим повторам<sup>2</sup>. Здесь приведём пример фонетического повтора:

*To make the world safer from rogue regimes, terrorism, and revisionist powers, we are asking our friends and allies to invest in their own defenses and to meet their financial obligations* (D. T. Addresses the World Economic Forum. – January 26, 2018) – 'Чтобы уберечь мир от преступных режимов, терроризма и *власти* ревизионистов, мы просим наших друзей и союзников вкладывать в оборону своих стран и выполнять свои финансовые обязательства'.

Заметим, что приём противопоставления используется и Б. Обамой. Так, в речах 2012 года найдены следующие примеры: *growth – slow – grow* 'рост – медленный – быстрый', *tyranny – liberty* 'тирания – свобода', *going back – moving forward* 'возвращаться – идти вперёд', *joke – threat* 'шутка – угроза' и ряд других [Kazemian, Hashemi, 2014, p. 1183]. По нашим данным, в отличие от противопоставления в речах Трампа, у Обамы объектами противопоставления выступают не государства, а события, процессы, временные периоды: мирный договор и война, ядерная программа и переговоры, прошлое и настоящее и т. д.

В значении '*strength*' лексическая единица *power* реализуется в субстантивно-предложных словосочетаниях атрибутивного типа: *power + of (in) + N*. Общей особенностью речей двоих президентов является то, что в данном значении *power* употребляется в сочетаниях со словами, имеющими общую семантику американских ценностей: *power of persistence / hope / freedom / democracy / ideals* – 'сила упорства, надежды, свободы, демократии, идеалов'. Очевидно, здесь можно говорить о субстантивной конструкции как типичном способе выражения реляционного аспекта власти [Самадов, 1992, с. 100], когда сила выступает в качестве субъекта по отношению к абстрактным понятиям, состав которых ограничен качествами (в высшей степени положительными), присущими стране в целом или отдельным аспектам американской жизни.

В то же время реализация слова в данном значении гораздо более характерна для Б. Обамы (число примеров более чем в два раза превышает количество реализаций данного значения в речах Д. Трампа). Типичными компонентами синтагм являются такие единицы, как *democracy* 'демократия', *wisdom* 'мудрость', *ideals* 'идеалы', *freedom* 'свобода', *unity* 'единство', *progress (persistence)* 'прогресс (упорство)', *hope* 'надежда', *military force* 'военные силы', например:

*Enduring power of our ideals: democracy, liberty, opportunity, and unyielding hope* (B. O. President-Elect Victory Speech. – November 4, 2008) – 'Прочная сила наших идеалов: демократии, свободы, возможностей и незыблемой надежды'.

Идея величия американских идеалов – *the great American ideal* – и вера в то, что процветание нации зависит от следования этим идеалам, свидетельствуют о глубокой убеждённости политика в том, что человек сам управляет своей судьбой и именно благодаря этому факту Америка является «страной возможностей»:

<sup>2</sup> Эта тактика как характерная для Д. Трампа, отмечена в работе [Nisar et al., 2020] на материале двух речей 2019 года, в которых выявлены многократные повторы отдельных слов (напр., личных местоимений *I, we, they*, слов *patriotism, freedom, loyalty*) и фраз (напр., *I do whatever I want* 'Я делаю, что хочу', *I'm here...* 'Я здесь...' (указана цель/миссия), *I could win* 'Я мог/смог/смог бы выиграть', *Great nation* 'великая нация' и др.). Как видно, многие эти единицы содержат значения власти.

*We should all take pride in the fact that we once again displayed for the world the **power** of our democracy, and reaffirmed that the great American ideal that this is a nation where anything is possible* (B. O. First President-Elect Weekly Transition Address. – November 8, 2008) – 'Мы все должны гордиться тем фактом, что однажды мы продемонстрировали миру **силу** нашей демократии и вновь подтвердили, что великий американский идеал – это нация, где всё возможно'.

Для выражения идеи неограниченных возможностей своей страны Б. Обама избирает информационную стратегию, которая реализуется посредством тактики авторитетного источника, в частности, путём отсылки к мечте отцов-основателей, «американской мечте» о процветающей нации.

*If there is anyone out there who still doubts that America is a place where all things are possible; who still wonders if **the dream of our founders is alive in our time**; who still questions the **power** of our democracy: Tonight is your answer* (B. O. President-Elect Victory Speech. – November 4, 2008) – 'Есть ли здесь кто-нибудь, кто по-прежнему сомневается, что Америка – это место, где всё возможно; и те, кто всё ещё не уверен, **жива ли мечта наших отцов-основателей**; и те, кто ставит под сомнение **силу** нашей демократии?'

В данном примере словосочетание *the dream of our founders* 'мечта отцов-основателей' является контекстуальным синонимом к слову *democracy*, которое символизирует базовую ценность американского общества. Тем самым подчёркивается важность демократии как основы существования нации, поскольку принципы демократии берут своё начало во времена основания Американского государства. Среди базовых ценностей, которые Б. Обама выделяет как важные элементы ценностной системы американской нации, демократия играет наиболее важную роль и, следовательно, имеет самую высокую частотность номинирования как через лексическую единицу *democracy*, так и через контекстуальные синонимы (*the great American ideal, destiny is written by us, dream of our fathers* – 'великий американский идеал, предначертанная нам судьба, мечта наших отцов-основателей'). Среди других номинируемых ценностей – *liberty* 'свобода', *opportunity* 'возможность', *unyielding hope* 'незыблемая надежда', *our military and law enforcement* 'наш военный потенциал и законодательство', *persistence (progress)* 'упорство (прогресс)', *unity* 'единство' (*your voices, united in song* – 'голоса сливаются в единую песнь'), *sense of common purpose* 'чувство общей цели' (*millions of voices calling for change* – 'миллионы голосов, требующих перемен').

Отсылка ко временам основания Американского государства у Б. Обамы встречается также в форме цитирования. Так, в речи, произнесённой по случаю Национального съезда Демократической партии, Б. Обама цитирует Декларацию о независимости:

*Tonight, we gather to affirm the greatness of our Nation – not because of the height of our skyscrapers, or the **power** of our military, or the size of our economy. Our pride is based on a very simple premise, summed up in a declaration made over two hundred years ago: We hold these truths to be self-evident, that **all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain inalienable rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness*** (B. O. 2004 Democratic National Convention Keynote Address. – July 27, 2004) – 'Сегодня мы собрались, чтобы ещё раз показать величие нашей нации – не высотой небоскрёбов, не **силой** нашей армии, не количеством наших ресурсов. Наша гордость основана на очень простом утверждении, сформулированном в декларации, написанной более двухсот лет назад: Мы исходим из той самоочевидной истины, что **все люди созданы равными и наделены их Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью**'.

Ориентируя слушателей на следование ценностям, которые были заложены во времена основания Америки, и, интерпретируя современную политическую ситуацию в контексте базовых ценностей американского общества, президент использует идентифицирующую тактику в рамках интерпретационно-ориентационной стратегии.

Интересным представляется пример, в котором *power* встречается в контексте со словами *military* 'вооружённые силы / военный потенциал' и *law enforcement* 'силы закона / правоохранительные органы', выражающими понятия, тематически не связанные с идеалами демократического государства:

*To succeed, we must pursue a new strategy that skillfully uses, balances, and integrates all elements of American power: our military and diplomacy; our intelligence and law enforcement; our economy and the power of our moral example* (В. О. Nomination of Key National Security Team Members. – December 1, 2008) – 'Чтобы преуспеть, мы должны выработать новую стратегию, которая использует, сочетает и позволяет применить на практике все составляющие Американской **моуци**: наш военный потенциал и дипломатию; нашу разведку и правоохранительные органы; нашу экономику и **силу** нашего морального примера'.

Тем не менее, контекст показывает, что военная мощь и сила закона тоже связаны с величием американской нации, так как эти аспекты американской жизни обеспечивают основные ценности американского общества – свободу, демократию, труд и т. д. При этом использование в ряду синонимически связанных однородных членов словосочетания *moral example* ставит нормы морали на одну ступень с законами и военной силой, обозначая следование моральным нормам и идеалам как ценность американского общества, обеспечивающую процветание нации.

Во многих текстовых фрагментах важную роль играет идея сплочения – сплочения американской нации, администрации Б. Обамы, служащих на государственных постах во имя процветания Америки. В качестве средства выражения идеи единства президента и нации Б. Обама зачастую использует местоимение *we*. С его помощью первый в истории Америки президент афроамериканского происхождения подчёркивает своё единство с народом, а также общность всей американской нации, для которой характерно смешение людей разных национальностей и рас, а равенство всех граждан, независимо от их этнического происхождения, является одной из базовых ценностей общества. Для реализации этой идеи Б. Обама использует интегративную стратегию, которая реализуется через две тактики: инспиративную и тактику сплочения:

*We should all take pride in the fact that we once again displayed for the world the power of our democracy, and reaffirmed that the great American ideal that this is a nation where anything is possible* (В. О. First President-Elect Weekly Transition Address. – November 8, 2008) – 'Мы должны гордиться тем фактом, что мы снова показываем миру **силу** нашей демократии, и снова доказываем, что великий Американский идеал заключён в том, что Америка – это страна возможностей'.

Особое внимание, которое президент уделяет выражению гордости за величие Америки и силу американских идеалов, находит отражение в избираемых языковых средствах: экспрессивно-эмоционально-оценочной лексике, метафорах, лексических повторах и синтаксическом параллелизме:

*And to all those who have wondered if America's beacon still burns as bright: Tonight we've proved once more that the true strength of our nation comes not from the might of our arms or the scale of our wealth, but from the enduring power of our ideals: democracy, liberty, opportunity, and unyielding hope* (Там же) – 'И ко всем, кто сомневался, горит ли ещё Американский маяк так же ярко: Сегодня мы снова доказали что настоящая сила нашей нации исходит не из военной мощи или наших богатств, но из прочной **силы** наших идеалов: демократии, свободы, возможностей и незыблемой надежды'.

Нетрудно заметить, что общий эмоциональный тон и патетическая риторика фрагментов, реализующих идею силы и мощи государства, контрастируют со стилистикой высказываний, в которых слово *power* у этого оратора выступало в значении 'country'.

В выступлениях Д. Трампа, как уже отмечалось выше, реализация лексической единицы *power* в значении 'strength' имеет меньшую частотность по сравнению с речами Б. Обамы, а единственной используемой стратегией (в отличие от выступлений Б. Обамы, где представлен широкий спектр стратегий и тактик) становится интеграционная стратегия, реализуемая через инспиративную тактику. Отождествляя деятельность республиканской партии (которая изначально создавалась как оппозиционная демократам партия противников рабства) с процветанием Америки, Д. Трамп апеллирует прежде всего к ценности свободы.

*And if we stand together and choose freedom, our future will be brighter. Freedom will bring back jobs and raise wages. Freedom will lift people out of dependency to the dignity of work. We can do this. 47 years ago, to this day, America put the very first man on the moon. That was the power of freedom* (D. T. 2016 Republican National Convention Speech. – July 21, 2016) – 'И если мы объединимся и выберем **свободу**, наше будущее станет светлее. **Свобода** вернёт рабочие места и повысит зарплату. **Свобода** сделает любую работу престижной. Мы можем это сделать. 47 лет назад, в этот день, Америка отправила первого человека на луну. И это была **сила свободы**'.

Суть речи состоит в том, что именно выбрав свободу, которую способна обеспечить только республиканская партия, американская нация гарантированно сохраняет своё могущество и величие.

*There is a new opportunity in American politics, if only we have the courage together to seize it. Victory is not winning for our party, victory is winning for our country* (D. T. Trump's State of the Union address. – February 5, 2019) – 'Это новая возможность в Американской политике, если только нам хватит смелости использовать её. Победа – это не выигрыш нашей партии, Победа это выигрыш для нашей страны'.

Синтагмы, в которых *power* реализуется в значениях 'authority', 'control', в анализируемом материале наиболее репрезентативны (их число в два раза превышает количество реализаций значения 'strength'), при этом они используются в речах двух президентов с одинаковой частотностью. Реализация этого значения практически не имеет коллигационных ограничений (ср.: *American power and influence* 'американская власть и влияние', *power for the ruling class* 'власть правящего класса', *secure his own power* 'обезопасить собственную власть'). Однако общей тенденцией является сочетание слова с глаголом (*got power in our hands* 'сосредоточить власть в своих руках', *got back into power* 'снова прийти к власти', *transfer power from... to* 'передать власть...!', *provide affordable power* 'предоставить определённую свободу власти', *building up our wealth and power* 'укрепить богатство и власть') или отглагольным существительным (*armed seizure of power* 'вооружённый захват власти', *access to power* 'доступ к власти', *protection against unchecked power* 'защита от неконтролируемой власти', *the use of power* 'применение власти'). Как видно из примеров, подобные синтагмы отражают атрибутивно-субстанциональные [Дегтярев, 1996, с. 80] аспекты власти, когда власть осмысливается как объект обладания.

В отношении тактико-стратегической организации речи можно отметить, что оба политика используют интеграционную и агональную стратегии, однако способы реализации стратегий различаются. Приведём в качестве примера использование агональной стратегии через оппозицию «свой – чужой». В речах Б. Обамы референтом «чужого» становятся страна или политическая фигура, представляющие угрозу американской демократии. Так, в речи, посвящённой войне в Ираке, понятие «power» связано с режимом Саддама Хусейна.

*I suffer no illusions about Saddam Hussein. He is a brutal man. A ruthless man. A man who butchers his own people to secure his own power. He has repeatedly defied UN resolutions, thwarted UN inspection teams, developed chemical and biological weapons, and*



*coveted nuclear capacity* (В. О. Speech Opposing the War in Iraq at Federal Plaza. – October 2, 2002) – 'Я не страдаю иллюзиями насчёт Саддама Хусейна. Он жестокий человек. Безжалостный человек. Человек, который истребляет свой собственный народ **для сохранения власти**. Он постоянно презирал резолюции ЕС, срывал работу наблюдателей ЕС, разрабатывал химическое и биологическое оружие, и скрывал ядерный потенциал'.

Саддам Хусейн обозначен как *brutal man, ruthless man* 'жестокий, безжалостный человек'. Ряд однородных глагольных словосочетаний используется для описания действий, противоречащих американскому представлению о либеральных ценностях и демократии (*he has defied UN resolutions* – 'он презирал резолюции ЕС', *thwarted UN inspection teams* – 'срывал работу наблюдателей ЕС', *developed chemical and biological weapons* – 'разрабатывал химическое и биологическое оружие', *coveted nuclear capacity* – 'скрывал ядерный потенциал'). Как и в остальных подобных высказываниях, использование данного слова связано с негативной коннотацией (*unchecked power* 'бесконтрольная власть', *monopoly of power* 'монополия власти', *grab for power* 'захват власти').

В речах Д. Трампа агональная коммуникативная стратегия связана с противниками политического курса президента Америки, а именно с демократической партией США и социализмом:

*If the Democrats ever got back into power, they would vote to raise your taxes; release dangerous criminals; open your borders; shut down this great surge of American energy that is tremendous for jobs, tremendous for the economic wellbeing of our country, and, frankly, helping the world* (D. T. Address the National Republican Congressional Committee Dinner. – March 20, 2018) – 'Если демократы ещё когда-нибудь **придут к власти**, они проголосуют за повышение ваших налогов; за освобождение опасных преступников; за открытие ваших границ; они остановят этот великий всплеск Американской энергии, который имеет огромное значение для работников, огромное значение для экономического благополучия нашей страны и который, откровенно говоря, помогает миру'.

Обращает на себя внимание то, что избираемые президентом языковые средства – оценочные прилагательные и однородные глагольные синтагмы, обладающие негативной коннотацией – аналогичны тем, которые были отмечены в речи его предшественника.

### 3. Заключение [Conclusion]

Концептуальный мир политики невозможно представить без концепта-термина «power», поскольку весь политический процесс строится вокруг борьбы за власть и обладания властью. Проведённое исследование показало, что в речах американских президентов Б. Обамы и Д. Трампа наблюдаются принципиальные различия реализации семантической доминанты концепта «власть», лексемы *power*, которая реализуется в трёх номинативно-производных значениях: 'authority, possession of control', 'strength, force', 'country, influential people'. Наблюдаемые различия затрагивают как языковые средства реализации лексического значения, так и тактико-стратегическую организацию речи. Для дискурса Б. Обамы типичным является использование интеграционной (с инспиративной и фатической тактиками), информационной (с тактикой отсылки к авторитетному источнику) и агональной (с приёмом противопоставления) стратегий, в то время как для дискурса Д. Трампа характерны агональная (с тактикой дистанцирования и явно выраженной оппозицией «свои – чужие») и интеграционная (с инспиративной тактикой) стратегии. Инвариантными чертами идиодискурсов двоих президентов можно считать отсылку к национальным американским ценностям и использование одних и тех же средств реализации значений рассматриваемой лексемы (противопоставления, сравнения, слова с негативной коннотативной окраской и т. д.). При этом детали могли

варьировать: например, у Трампа объектами противопоставления выступали государства, а у Обамы – события, процессы, временные периоды.

В целом, дискурс Д. Трампа отличается большей категоричностью и враждебностью относительно противников его политического курса, а в высказываниях Б. Обамы идея объединения играет более важную роль, будучи тесно связанной с идеями демократических ценностей и свобод.

#### Список литературы

- Дегтярев, 1996 – Дегтярев А. А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. 1996. № 3. С. 108–120.
- Иванова, 2010 – Иванова О. В. Функционально-когнитивные особенности репрезентации ключевых концептов американского политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Иванова Ольга Владимировна ; Белгородский гос. ун-т. Белгород, 2010. 183 с.
- Левенкова, 2011 – Левенкова Е. Р. Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ. Самара : ПГСГА, 2011. 308 с.
- Левенкова, 2009 – Левенкова Е. Р. Концептосфера политического дискурса Великобритании на рубеже XX–XXI веков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 4. С. 226–231.
- Самадов, 1992 – Самадов Б. А. Словарь современного английского языка в действии: от понятия к слову и от слова к смыслу : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Самадов Баходир Абдуманнанович ; Московский гос. уни-т им. Ломоносова. М., 1992. 413 с.
- Чиронова, 2003 – Чиронова И. И. Когнитивная структура концепта «власть» в русскоязычном и англоязычном политических дискурсах // Право и политика. 2003. № 12. С. 1720–1730. doi: 10.7256/1811-9018.2013.12.9542.
- Шейгал, 2002 – Шейгал Е. И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация-2002». Пятигорск : Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2002. С. 24–26.
- Шейгал, 2000 – Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
- Шехтман, 2005 – Шехтман Н. А. Понимание речевого текста и гипертекст. Оренбург : ОГПУ, 2005. 167 с.
- American Rhetoric, 2020 – American Rhetoric. Online Speech Bank : [сайт]. 2001–2021. URL : <https://www.americanrhetoric.com/> (дата обращения : 20.01.2020).
- Bataineh M. T. Linguistic and pragmatic devices in King Abdullah's speech: A political discourse analysis // International Journal of Applied Linguistics & English Literature. 2019. Vol. 8, Iss. 2. P. 40–44. doi: 10.7575/aiac.ijalel.v.8n.2p.40.
- Factbase, 2020 – Factbase. Donald Trump Speech and Interview Transcripts : [сайт]. FactSquared, Inc., 2020. URL : <https://factba.se/> (дата обращения : 20.01.2020).
- Kazemian, Hashemi, 2014 – Kazemian B., Hashemi S. Critical discourse analysis of Barack Obama's 2012 speeches: Views from systemic functional linguistics and rhetoric // Theory and Practice in Language Studies. 2014. Vol. 4, N 6. P. 1178–1187.
- Moody S., Zohreh R. E. Political discourse, code-switching, and ideology // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24 (2). P. 325–343. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343.
- Nisar et al., 2020 – The Study on Lexical Discourse Analysis of Trump's Political Speeches / M. Nisar, X. Fushou, M. Asif, A. H. Malik // European Academic Research. 2020. Vol. VIII, Iss. 6. P. 3265–3279.
- Salayo, 2020 – Salayo J. Women's right, a call for life: A critical discourse analysis of Pres. Donald Trump's speech for the 2020 March for Life // Journal of English Education and Linguistics Studies. 2020. Vol. 7, N 1. P. 115–135.
- van Dijk, 2008 – van Dijk T. A. Discourse and power. New York : Macmillan, 2008. 306 p.

**Alevtina N. Morozova, Olga A. Tiurina**  
**Samara State University of Social Science and Education, Methodology Department**  
**Samara, Russian Federation**

tyurina@sgspu.ru, morozova@pgsga.ru

## **The «power» concept in public speeches of American presidents: Semantics, syntagmatics and pragmatics**

### **Abstract**

The idea of power is crucial in political communication in general, and in American political communication, in particular. The article presents the analysis of the «power» concept as the key concept embodied in political discourse. Public speeches of two American presidents – Barack Obama and Donald Trump – over the time period from 2004 to 2019 were chosen as the material for this study. The analysis of the speeches from the viewpoints of lexical-semantic variants of the word *power*, its typical colligational (morpho-syntactic) and collocational (lexico-phraseological) peculiarities against the background of communicative strategies and tactics employed enabled to identify and describe the characteristic patterns of verbalizing the «power» concept. As a result, it was discovered that Obama's discourse was characterized by integrative, informational and agonal strategies while Trump employed agonal and integrative strategies in his speeches. In the three meanings of the lexeme – 'authority, possession of control', 'strength, force', 'country, influential people', – invariant and variable morphological, syntactic, lexical, phraseological patterns were found. Among the invariant patterns, there was the use of the vocabulary representing American values and a number of tropes.

**Keywords:** political discourse, verbalizing the «power» concept, communicative strategies and tactics, invariant and variable patterns.

© Morozova A. N., Tiurina O. A. 2021

**For citation:** Morozova A. N., Tiurina O. A. The «power» concept in public speeches of American presidents: Semantics, syntagmatics and pragmatics [Termin-kontsept «power» v publichnykh vystupleniyakh amerikanskikh prezidentov: semantika, sintagmatika, pragmatika]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 149–160. doi: 10.22250/2410-7190\_2021\_7\_3\_149\_160.

### **References**

- Degtyarev, A. A. (1988). Politicheskaya vlast' kak regulyativnyy mekhanizm sotsialnogo obshcheniya [Political power as a regulative mechanism of social intercourse]. *Polis*, 3, 108–120.
- Ivanova, O. V. (2010). Funktsionalno-kognitivnyye osobennosti reprezentatsii klyuchevykh kontseptov amerikanskogo politicheskogo diskursa [Functional and cognitive aspects of key concepts representation in American political discourse]: PhD in Philological sci. diss. Belgorod : Belgorod State University.
- Levenkova, E. R. (2011). Britanskiy i amerikanskiy politicheskoy diskurs: kontrastivnyy analiz [British and American political discourse: Contrastive analysis]. Samara : Volga State Social-Humanitarian Academy Press.
- Levenkova, E. R. (2009). Kontseptosfera politicheskogo diskursa Velikobritanii na rubezhe XX–XXI vekov [A conceptual sphere of British political discourse: At the turn of the 20th century]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 11 (4), 226–231.
- Samadov, B. A. (1992). Slovar sovremennogo angliyskogo yazyka v deystvii: ot ponyatiya k slovu i ot slova k smyslu [Modern English vocabulary in action: From notion to word and from word to sense]: Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State University.

- Chironova, I. I. (2003). Kognitivnaya struktura kontsepta «vlast» v russkoyazychnom i angloyazychnom politicheskikh diskursakh [Cognitive structure of the “power” concept in Russian and English political discourse]. *Pravo i politika* [Law and politics], 12, 1720–1730. doi: 10.7256/1811-9018.2013.12.9542.
- Sheygal, E. I. (2002). *Kulturnyye kontsepty politicheskogo diskursa* [Cultural concepts of political discourse]. Kommunikatsiya: teoriya i praktika v razlichnykh sotsialnykh kontekstakh: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Kommunikatsiya-2002» [Communication: Theory and practice in various social contexts: Proc. of International scientific conference “Communication-2002”]. Pyatigorsk : Pyatigorsk State Linguistic University.
- Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] Volgograd : Peremena Press.
- Shekhtman, N. A. (2005). *Ponimaniye rechevogo teksta i gipertekst* [Understanding speech and hypertext]. Orenburg : OSPU Press.
- American Rhetoric. Online Speech Bank. 2001–2021. Retrieved January 20, 2020 from <<https://www.americanrhetoric.com>>.
- Bataineh, M. T. (2019). Linguistic and pragmatic devices in King Abdullah’s speech: A political discourse analysis. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 8 (2), 40–44. doi: 10.7575/aiac.ijalel.v.8n.2p.40.
- Factbase. Donald Trump Speech and Interview Transcripts. Retrieved January 20, 2020 from <<https://factba.se/>>.
- Kazemian, B., Hashemi, S. (2014). Critical discourse analysis of Barack Obama's 2012 speeches: Views from systemic functional linguistics and rhetoric. *Theory and Practice in Language Studies*, 4 (6), 1178–1187.
- Moody, S., Zohreh, R. E. (2020). Political discourse, code-switching, and ideology. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (2), 325–343. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343.
- Nisar, M., Fushou, X., Asif, M., Malik, A. H. (2020). The Study on Lexical Discourse Analysis of Trump’s Political Speeches. *European Academic Research*, VIII (6), 3265–3279.
- Salayo, J. (2020). Women’s right, a call for Life: A critical discourse analysis of Pres. Donald Trump’s speech for the 2020 March for Life. *Journal of English Education and Linguistics Studies*, 7 (1), 115–135.
- van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and Power*. New York : Macmillan.